

Когда он вернулся во дворик, где располагалось его временное жилье, его встретила Хун-эр, служанка, которую приставили заботиться о нем.

— Господин Ван, вы вернулись? Ходили размяться? Это хорошо, в такую хорошую погоду приятно прогуляться.

Он принесла чай, который только что заварила.

— Ты хорошо готовишь чай, — похвалил Бай Шаоцин, сделав глоток.

— Это юйцянь* нынешнего года. Господин Сыма только что прислал его... Это был такой хороший день, почему он вдруг стал мрачным? Похоже, будет сильный дождь. — Хун-эр закрыла дверь. Заметив, как ветер раскачивает ветви деревьев, она вернулась, чтобы закрыть все окна. Оглядевшись, она обнаружила, что вокруг никого нет, и вдруг улыбнулась улыбкой, совершенно не подходящей служанке. — Молодой господин, что вам рассказал Сюй Хэцин?

*П.п.: 雨前 — yǔqián — юйцянь, «перед дождями» (чай высшего сорта, собранный до сезона Хлебных дождей).

Бай Шаоцин не ожидал, что она скажет нечто подобное ни с того, ни с сего, и его сердце вдруг сжалось. Чашка в его руке задрожала, разбрызгивая капли чая. После минутного размышления, он спросил глубоким голосом:

— Шуй Юнь-эр?

Шуй Юнь-эр рассмеялась, будто зазвенел серебряный колокольчик, сняла маску из человеческой кожи и игриво присела в поклоне со сложенными руками.

— Здравствуйте, молодой господин Бянь Фу! Я здесь, чтобы снова служить вам.

Фэн Лун и впрямь сделал свой ход. Тонкая стремительная струйка проникла в его сердце, щекоча и покалывая. Непонятно, счастлив он был или же испытывал отвращение.

Бай Шаоцин помрачнел.

— Фэн Лун послал тебя следить за мной?

— Что за ерунда? Я здесь дольше, чем ты. Как только Сыма Фань появился на центральной равнине, лидер культа сразу вызвал меня. У Сыма Фаня зоркий глаз, и я не осмелилась перед ним крутиться. Пришлось притвориться служанкой, которой не нужно было показываться на людях. Я не ожидала встретить именно тебя, когда меня послали прислуживать важному гостю, — Шуй Юнь-эр посмотрела на маску из человеческой кожи, которая прятала лицо Бай Шаоцина. — Хорошо, что ты придумал способ носить маску открыто.

— Как ты меня узнала?

Бай Шаоцин всегда носил маску, с тех пор, как попал сюда, даже во время купания и сна.

— Как можно было тебя не узнать? — изумленно переспросила Шуй Юнь-эр. — Я узнала бы тебя в толпе только по голосу, не говоря уж о фигуре и запахе. Если бы Сыма Фань не видел тебя раньше, думаешь, он бы тебя не узнал?

— Мне достаточно только крикнуть, и Фэн Лун не сможет тебя спасти, — холодно сказал Бай

Шаоцин. Он оскалил зубы в ухмылке: — Помнишь, как обращалась со мной на территории алтаря?

— Молодой господин, не пугайте Шуй Юнь-эр, — захихикала девушка. — Если меня поймает Сыма Фань, я просто умру. Он не сможет использовать меня для восполнения ян.

Конечно, Бай Шаоцин просто запугивал ее.

Пожалуй, самое бесполезное занятие на этом свете — угрожать смертью женщине, которая не боится умереть.

Бай Шаоцин больше не стал ей угрожать. Опустив голову, он сделал еще глоток чая.

Чай был горячим. Таким же горячим, как его сердце. Но его рука была такой твердой, что Шуй Юнь-эр не могла понять о чем он думает.

— Для чего ты здесь? — Он прикусил нижнюю губу и посмотрел на женщину сумрачным взглядом.

Шуй Юнь-эр тоже взглянула на него, ничуть не испугавшись, и сказала с милой улыбкой:

— Ты не это хотел спросить.

Заметив, что Бай Шаоцин снова отвернулся, она хлопнула в ладоши сказала:

— Если спросишь, я скажу, где находится лидер культа.

Шуй Юнь-эр выглядела простодушной.

Если бы он не была личной служанкой Фэн Луна, если бы она не была стражем культа справедливости, даже Бай Шаоцин мог бы поверить, что она простодушна.

Сидя в кресле, Бай Шаоцин медленно потягивал чай.

— Я не хочу спрашивать, как и ты не должна мне говорить. Вернись к Фэн Луну и скажи, что все уже изменилось. Летучая Мышь уже не та, что прежде, он не может просто послать служанку, чтобы следить за мной.

Черные глаза Шуй Юнь-эр мерцали, подобно водной глади.

— Молодой господин такой бессердечный. Наш бедный лидер переживал всей душой. Даже не представляю сколько усилий он приложил за последние два года, чтобы найти кое-кого. Ай, как могло такое случиться, что тот парень, Сыма Фань, нашел тебя первым? Я была так рада увидеть тебя, молодой господин, что сразу отправила весточку лидеру культа, и он был так взволнован, что не знал, что и делать. Он очень хотел лично приехать, но его задержало множество дел. Вы же знаете, что за последние два года много чего произошло.

Услышав о Фэн Луне, Бай Шаоцин невольно наострил уши, внимательно прислушиваясь. Его сердце колотилось, как маленький барабан. Когда Шуй Юнь-эр сказала, что Фэн Лун не приедет, он вздохнул с облегчением. Но по его позвоночнику неожиданно пробежало сожаление другого рода.

Он понял, что Шуй Юнь-эр играет с его разумом. Но не зная, что за лекарство у нее в тыкве*, он решил молчаливым контролем контролировать ее действия, и не менял выражение своего лица.

*П.п.: Не зная, что задумал другой человек.

После долгого разговора, Шуй Юнь-эр сменила тему и мягко произнесла:

— Лидер боялся, что ты снова сбежишь, если он задержится, поэтому приказал мне попросить тебя остаться. Молодой господин! Не убегай необдуманно, иначе Шуй Юнь-эр не избежит наказания.

— С какой стати ты хочешь, чтобы я остался?

— Ой, если ты решил не оставаться с Шуй Юнь-эр, зачем тогда пил чай, поданный Шуй Юнь-эр? — с легким удивлением спросила девушка.

Бай Шаоцин посмотрел вниз, чашка чая в его руке была полупуста.

Взгляд Шуй Юнь-эр внезапно стал коварным, заставляя похолодеть от ужаса.

Бай Шаоцин не шелохнулся, смерив Шуй Юнь-эр взглядом. Его губы сложились в равнодушную улыбку; он тихо хмыкнул и допил оставшийся в чашке чай. Он носил маску из человеческой кожи, но не мог скрыть эмоции внутри.

Шуй Юнь-эр захихикала.

— Над чем ты смеешься? — спросил Бай Шаоцин.

— Я просто внезапно вспомнила кое-что.

— Что именно?

Черные и блестящие глаза Шуй Юнь-эр замерцали, и она выплюнула одно слово:

— Осел.

Покачивая бедрами, она села напротив Бай Шаоцина.

— Молодой господин, ты не спросишь как я?

Бай Шаоцин несколько мгновений смотрел на нее, а затем вздохнул:

— И как ты сейчас?

— Очень плохо.

— Насколько плохо?

— Он получил удар трехфутовым клинком, рана до сих пор не зажила.

Бай Шаоцин скучающе произнес:

— Трехфутовый клинок, который наносит рану на три года, неужели он настоящий? Если он

посмеет необдуманно использовать свою силу, то и за три года не оправится.

— Ты настолько жестокий? — В глазах Шуй Юнь-эр появилась ненависть.

Бай Шаоцин на это не ответил, и в свою очередь спросил:

— Фэн Лун хотел, чтобы ты забрала меня с собой?

— Это то, чего он хотел.

— Только хотел?

Шуй Юнь-эр нахмурилась.

— Это то, чего хотел лидер культа, но он не хотел, чтобы это было сделано таким образом.

— Почему? — удивился Бай Шаоцин.

— Потому что твой нрав хуже, чем у осла, — вздохнула Шуй Юнь-эр.

Бай Шаоцин долго смотрел на нее и пробормотал:

— Если бы я не был Бай Шаоцином, я бы крикнул: "Сыма Фань, здесь Шуй Юнь-эр, страж культа справедливости".

Подражая ему, Шуй Юнь-эр тоже проворчала:

— А если бы ты не был зеницей ока лидера культа, я бы закричала, пусть даже я страж Шуй Юнь-эр: "Сыма Фань, вот Летучая Мышь, с которого ты хотел собрать энергию ян..." Ой!

Глаза Бай Шаоцина мгновенно стали пронзительно холодными.

Он был холодным, как меч, погруженный в ледяное море на сто лет. Холодным настолько, что от него трещали кости.

Даже Шуй Юнь-эр задрожала под его взглядом. Затем она вымученно улыбнулась:

— Молодой господин, вы можете дать мне указание?

— Что ты добавила в мою чашку? — спросил Бай Шаоцин.

— А ты как думаешь, что там? — снова деланно рассмеялась женщина.

Бай Шаоцин молчал.

Спустя долгое время он вздохнул:

— Ладно, при желании ему бы не составило труда забрать мою жизнь.

Холодный взгляд вдруг исчез. Он повернулся и посмотрел в окно.

За окном не было ив, не было полной луны, не было серебристого водопада, как и бабочек.

За его спиной Шуй Юнь-эр прошептала:

— То, что я добавила, не причинит тебе вреда. Это просто лекарство, чтобы помочь в твоей тренировке. Лидер сам приказал мне дать это тебе. Порошок бесцветный и безвкусный, ты даже не почувствуешь, если добавишь его в чай. На самом деле ты пьешь его уже несколько дней. Раз уж меня разоблачили, я больше не буду добавлять его в чай. Можешь взять и самостоятельно решить, пить его или не пить.

Она вытащила небольшой бумажный кулек и протянула его Бай Шаоцину.

Бай Шаоцин повернулся и взглянул на кулек.

Он молча смотрел на него, как когда-то впервые в деревне Ваньжэнь в Шаньдун увидел всемирно известную пилюлю "изумрудное сердце в ночи"; когда впервые увидел Фан Нихон, танцующую в тишине в лесу.

Его мерцающие глаза были похожи на кошачьи.

Шуй Юнь-эр видела Бай Шаоцина тысячу раз, но в первый раз поняла, что он очень красив.

Оказывается заставлять сердце Бай Шаоцина трепетать было очень приятно.

Она наконец поняла, что все усилия лидера были направлены на то, чтобы заставить холодное сердце этого человека дрогнуть.

— Почему ты не отвечаешь?

Бай Шаоцин по-прежнему молча смотрел на нее. На его лице отразилась легкая борьба.

— Если не хочешь, тогда мне придется избавиться от него.

Шуй Юнь-эр не шутила. Одним движением руки бумажный кулек вылетел с порывом ветра. Маленький кулек полетел к Бай Шаоцину, который повернулся боком, и дал ему пролететь мимо себя прямо на подоконник.

<http://bllate.org/book/15169/1340561>